

КОННОТАТИВНЫЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Т.В. Хвесько, И.В. Крюкова, О.В. Врублевская

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00578 «Коннотативные имена собственные как инструмент социальной оценки: динамический аспект (на материале текстов постсоветского периода)».

Аннотация. Представлены результаты ассоциативного эксперимента, цель которого – выявление вариативности языкового сознания носителей русского языка при восприятии имен собственных, которые за последние 30 лет, в связи с политическими и социокультурными преобразованиями, изменили или приобрели коннотативные значения. С целью выявления динамики языкового сознания при выборе респондентов учитывался возрастной критерий (три относительно пропорциональные группы: от 18 до 29 лет; от 30 до 50, старше 50 лет), а с целью выявления распространенности имен на территории России – территориальный критерий (одновременное проведение эксперимента в двух городах, находящихся на значительном расстоянии друг от друга: 100 респондентов из Волгограда и 100 – из Тюмени). Результаты свободного ассоциативного эксперимента позволяют сделать следующие выводы: 1. Отмечается неоднородная представленность коннотативных имен в языковом сознании носителей русского языка. Выделяется группа имен с цельными представлениями, за которыми стоит единый образ как в денотативном, так и в эмоционально-оценочном плане; и группа имен с диффузными представлениями, обозначающими набор неоднородных признаков, на базе которых формируется многозначность коннотативного имени. 2. Выделяются имена, входящие в ядро коллективного языкового сознания, которые одинаково понимаются и оцениваются респондентами разного возраста и в разных регионах; и имена, находящиеся на периферии, при восприятии которых отмечаются возрастные и территориальные различия. Возрастные различия показывают подвижность языкового сознания носителей русского языка, утрату коннотаций в связи с выходом из употребления некоторых имен, а территориальные различия демонстрируют значимость близости или удаленности географического объекта или культурно-историческое значение той или иной личности для данного региона. Полученные результаты актуальны и перспективны в плане лексикографического описания коннотативных имен собственных постсоветского периода.

Ключевые слова: коннотативное имя; языковое сознание; свободный ассоциативный эксперимент; денотативные реакции; эмоционально-оценочные реакции.

Введение

Данное экспериментальное исследование посвящено выявлению особенностей восприятия имен собственных, которые изменили или приобрели оценочные значения в постсоветский период – с начала 1990-х гг. (распад Советского Союза) по настоящее время. По наблюдениям авторов, отраженным в ряде публикаций последних лет, постоянно происходящая динамика и трансформация социокультурных ценностей, характерная для рассматриваемого периода, закономерно приводят к изменению коннотаций широко употребительных имен собственных [1–3].

В данном случае речь идет об определенных тематических группах широко известных имен, которые наиболее ярко характеризуют изменения в ценностных установках языковой личности во времени и пространстве (имена известных людей и вымышленных персонажей, известные географические объекты, названия товаров и услуг и т.п.). Для таких имен, присущих словарному составу большинства языков, мы используем термин «коннотативное имя», употребляемый в отечественной и зарубежной ономастике для обозначения онимов с дополнительными оттенками информативности, эмоциональности и экспрессивности, которые добавляются к предметно-логическому содержанию имени собственного [4–8].

Коннотативные имена дают возможность выявления и анализа исторически зависимых особенностей стереотипного мышления и проливают свет на подвижность коллективного языкового сознания. Под языковым сознанием, вслед за представителями московской психолингвистической школы, мы понимаем совокупность структур сознания, в формировании которых были использованы социальные знания, связанные с языковыми знаками [9], или систему предметных значений, овнешненных языковыми знаками [10]. Говоря о вариативности языкового сознания, Н.В. Уфимцева и О.В. Балясникова отмечают, что слово имеет свое (ассоциативное) значение, соотносимое с понятием языкового сознания. Ассоциативное значение каждого слова включает ядро (частотные связи слов, общие для носителей данного языка / культуры) и периферию (нечастотные или единичные, уникальные связи слов). Ядро, отражающее общие для носителей языка / культуры знания, имеет устойчивый во времени характер; периферия изменяется под воздействием происходящих в конкретный исторический период социальных и политических процессов [11. С. 15].

Следует также отметить, что коннотативные имена чрезвычайно разнородны по параметру устойчивости / изменчивости коннотаций. По справедливому замечанию Е.С. Отина, «одно и то же собственное имя в разные периоды своего бытования в речи в различных сферах исполь-

зования может развивать целый пучок созначений. Но при этом семантические коннотемы не всегда находятся в синхронных отношениях друг с другом, они часто выступают как разновременные элементы смысловой структуры» [5. С. 280]. Иначе говоря, коннотативное имя собственное может быть многозначно, его значение подвижно, изменчиво в пространстве и во времени, а его исследование не может быть оторвано от конкретного периода существования и региона распространения имени собственного.

Методика исследования

Представленный подход обусловил выбор методики горизонтального и вертикального измерения применительно к именам собственным, апробированной нами ранее при исследовании эволюции номинативной техники [8]. Считаем возможным использование подобной методики и в данном исследовании, основная цель которого – выявление вариативности языкового сознания при восприятии коннотативных имен собственных в данном обществе и в данный период.

Изменения во времени (вертикальное измерение) определяются при сопоставлении восприятия коннотативных имен представителями разных поколений, а территориальные изменения (горизонтальное измерение) – при сопоставлении такого восприятия жителями регионов, находящихся на значительном географическом удалении друг от друга.

Для выявления особенностей восприятия коннотативных имен собственных в постсоветский период, нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент. Этот распространенный метод психолингвистического исследования в последнее время активно применяется в ономастике при выявлении структуры ономастического сознания, социально-оценочной и экспрессивно-эмоциональной функции антропонимов, культурно-исторического фона региональных топонимов, проявлений языковой моды на имена и названия и т.п. [3, 12–15]. Вполне закономерно, что имена собственные привлекаются и при более масштабных психолингвистических описаниях лексики современного русского языка, нашедших отражение в лексикографической практике. Так, группой ученых воронежской теоретико-лингвистической школы в рамках работы над Психолингвистическим толковым словарем русского языка создаются отдельные выпуски данного словаря, посвященные антропонимам [16].

Для свободного ассоциативного эксперимента в качестве слов-стимулов были отобраны 30 имен собственных, каждое из которых отвечает отмеченным выше характеристикам и может быть квалифицировано как коннотативное. Намеренно подбирались имена, различные по денотативной отнесенности (антропонимы, топонимы, эргонимы и

др.) и времени закрепления в речи. Среди них: имена-глобализмы, распространённые в транснациональных масштабах, вошедшие в активное употребление носителей русского языка в рассматриваемый период (*Багамы, Беверли-Хиллз, Билл Гейтс, бен Ладен, Брайтон-Бич, Брэд Питт, Голливуд, Европа, Канары, Макдональдс, Маргарет Тэтчер, мать Тереза, Обама, принцесса Диана, Рэмбо, Санта-Барбара*); и имена, номинирующие когнитивно и эмоционально значимые персоналии и реалии России, в том числе имена советского периода, изменившие эмоциональную оценку после смены общественного строя (*Абрамович, Брежнев, Ельцин, Жириновский, Кавказ, Ленин, Лёня Голубков, МММ, Павлик Морозов, Рублевка, Сталин, Урюпинск, Хрущев, Чернобыль*).

Как можно заметить, выборка коннотативных имен для экспериментального исследования достаточно разнородна и проведена без опоры на какие-либо жесткие критерии. Однако все они были ранее зафиксированы нами в оценочных значениях в разножанровых текстах постсоветского периода [1, 8]. Многие из перечисленных имен приобрели потенциальную способность употребляться в качестве ономастических метафор [17, 18]. В сумме данные онимы показывают, что существует разноуровневый корпус ономастической лексики современного русского языка, общим свойством которой можно считать развитие (трансформацию) коннотативного компонента значения, произошедшее под влиянием экономических, политических и социокультурных факторов в русском обществе в конце XX – начале XXI в.

Суть проведенного эксперимента состояла в следующем: испытуемым был предъявлен список онимов и дано задание после каждого имени собственного написать слова (словосочетания), с которыми ассоциируется данное имя. Как и предполагает свободный ассоциативный эксперимент, никаких ограничений на реакции поставлено не было.

Эксперимент проводился с мая по ноябрь 2019 г., его участниками стали 200 респондентов. С целью выявления динамики языкового сознания при выборе респондентов учитывался возрастной критерий – три относительно пропорционально представленные группы, смешанные в гендерном отношении: от 18 до 29 лет; от 30 до 50, старше 50 лет. С целью выявления распространенности имен на территории России эксперимент был проведен одновременно в двух городах, находящихся на значительном расстоянии друг от друга: в городе Южного федерального округа, Волгограде (100 респондентов), и Сибирского федерального округа, Тюмени (100 респондентов).

Типы ассоциативных реакций при восприятии коннотативных онимов

Результаты эксперимента выявили несколько ассоциативных рядов, которые могут быть рассмотрены в рамках двух больших групп –

денотативные реакции и эмоционально-оценочные реакции. Внутри каждой группы выделяются ассоциативные ряды. Рассмотрим их в порядке частотности.

Денотативные реакции. Реакции этого типа ориентированы на разнообразные характеристики объекта ассоциирования. Среди них выделяются следующие ассоциативные ряды, в каждом из которых представлен определенный объем информации об объекте или субъекте номинации.

А. Самые частотные – родовидовые реакции, связанные с общими родовыми понятиями либо с объектом, имеющим прямое отношение к этому имени. Например, *Абрамович – богатый человек / миллиардер* (55 – В, 66 – Т)¹; *Брэд Питт – актер* (61 – В, 56 – Т); *Билл Гейтс – основатель Microsoft и Apple* (67 – В, 61 – Т); *бен Ладен – террорист* (61 – В, 71 – Т); *Ельцин – президент России* (26 – В, 33 – Т); *Кавказ – горы* (64 – В, 39 – Т); *Багамы – острова* (31 – В, 39 – Т); *Брайтон-Бич – район / квартал / улица* (20 – В, 22 – Т); *Америка / Нью-Йорк* (20 – В, 11 – Т); *Рублевка – Москва* (7 – В, 11 – Т); *МММ – (финансовая) пирамида* (45 – В, 33 – Т); *Макдоналдс – сеть питания / кафе* (22 – В, 22 – Т); *фаст-фуд / еда* (56 – В, 28 – Т); *Санта-Барбара – сериал* (90 – В, 62 – Т) и др.

Анализ реакций этого типа выявил ряд особенностей закрепления коннотативных имен собственных в языковом сознании носителей русского языка.

Во-первых, обращает на себя внимание динамика ассоциативных реакций, которая выявляется при сопоставлении ассоциатов респондентов разных возрастных групп. Особенно показательны в этом отношении имена политиков советского времени, у которых в постсоветский период отмечается трансформация коннотаций. Например, ассоциации на имя *Ленин* у волгоградских респондентов – *мавзолей* (29, 23, 11), *революция / революционер* (14, 23, 11), *вождь пролетариата / революции* (12, 12, 33)². Таким образом, у волгоградских респондентов 18–29 лет при восприятии имени *Ленин* доминирует ассоциация *мавзолей*, у респондентов 30–50 лет это имя в равной степени ассоциируется и с мавзолеем, и с революцией. Для респондентов старше 50 лет ядерная ассоциация на имя *Ленин* – *вождь пролетариата / революции*. При этом динамические процессы неоднородны в разных регионах. При восприятии имени *Ленин* тюменскими респондентами реакции *мавзолей* (4, 3, 3) и *вождь* (7, 7, 8) равномерно представлены во всех возрастных группах. Только у реакции *революция* прослеживается динамика: 14% ре-

¹ Здесь и далее количественные данные приводятся в процентах от общего числа респондентов в каждом городе: В – Волгоград, Т – Тюмень.

² Первое число – процент реакций респондентов возрастной группы 18–29, второе – 30–50, третье – старше 50.

спондентов 18–29 лет, 20% – 30–50 и 50% – старше 50 лет, но во всех возрастных группах эта реакция доминирует. На этом основании можно утверждать, что ассоциация *Ленин – революция* относится к ядерным элементам когнитивной базы, и с некоторой осторожностью предположить дальнейшую перестановку элементов когнитивной базы и усиление в будущем ассоциативной связи *Ленин – мавзолей*.

Во-вторых, отмечается существование диффузных представлений об одном и том же имени – наличие разнородных качеств у одного имени, неравномерно представленных в языковом сознании жителей разных регионов. Например, топоним *Брайтон-Бич* 34% волгоградцев (разных возрастных групп) связывают с эмигрантами: *место проживания русских эмигрантов* – 20%, *евреи / еврейская эмиграция / еврейский квартал* – 7%, *эмиграция / эмигранты* – 7%. И только 11% тюменцев ассоциируют *Брайтон-Бич* с эмигрантами, без конкретизации. Причем в эти 11% не входят респонденты младшей возрастной группы. Последние связывают *Брайтон-Бич* с *пляжами* (57% респондентов данной возрастной группы), вероятно, просто переводят с английского *бич* (*beach*). Кроме того, только у 5% тюменцев встречается реакция – *фильм*, в то время как среди волгоградских респондентов таких 18%, и их реакции конкретизированы – *фильм* (4%), *на Дерибасовской хорошая погода (на Брайтон-Бич опять идут дожди)* (14%). В обоих городах подобные реакции относятся к респондентам возрастных групп 30–50 и старше 50, которым хорошо знаком популярный в 1990-х гг. фильм «На Дерибасовской хорошая погода, или На Брайтон-Бич опять идут дожди».

В этой связи следует обратить внимание на то, что менее частотные ассоциации тоже представляют интерес для осмысления ассоциативного потенциала коннотативного имени. Так, о когнитивной значимости кинематографа говорят многие ассоциативные ряды. Например, если топоним *Бeverли-Хиллз* для волгоградцев – *место в Америке* (22 – В, 6 – Т), *город / район / улица* (50 – В, 11 – Т), то для тюменцев – чаще *фильм / сериал* (11 – В, 39 – Т). Между тем имя *мать Тереза* у волгоградцев ассоциируется с одноименным фильмом (17), на топоним *Чернобыль* в анкетах волгоградских респондентов тоже встречаются реакции *фильм / сериал* (5), а *Кавказ* ассоциируется у волгоградцев с фильмами «*Кавказская пленница*» или «*Кавказский пленник*» (7).

В-третьих, очевидна постепенная утрата коннотаций у некоторых имен, теряющих со временем свою актуальность и выходящих из употребления. Об этом свидетельствуют денотативные ассоциации, не совпадающие у респондентов разных возрастных групп, а также неверная денотативная отнесенность имени. Показательны в этом отношении реакции респондентов 18–29 лет. Например, имя *Лёня Голубков* им незнакомо (83 – В, 71 – Т). В анкетах респондентов этой же возрастной группы встречаем и ошибочные реакции: *мать Тереза – Брекзит* (14 –

Т), *Билл Гейтс – Facebook* (6 – В), *бен Ладен – звезда, актер* (29 – Т), *Санта-Барбара – Испания* (6 – Т). Это говорит об утрате ассоциативной связи данного имени с конкретным денотатом, что позволяет прогнозировать утрату ассоциативного потенциала имени и его постепенный переход в пассивный запас.

Б. Ассоциативные реакции, апеллирующие к исторически значимым событиям, которые связаны с данным именем. Эти ассоциации относятся к определенным периодам развития страны: *Брежнев – эпоха застоя* (15 – В, 11 – Т), отдельным историческим фактам: *Хрущев – кукуруза* (34 – В, 33 – Т) или к резонансным трагическим событиям: *принцесса Диана – автокатастрофа* (17 – В, 17 – Т); *Чернобыль – авария* (38 – В, 23 – Т).

Многие ассоциации этого типа связаны с политическими событиями, которые неоднозначно оцениваются в разных регионах. Детализация политического события отмечается у респондентов из Волгограда. Например, *Европу* с политикой и санкциями связывают только волгоградцы (5), а на имя *Хрущев* в Волгограде зафиксированы реакции *подарил Крым Украине* (4) и *разрушитель культа личности Сталина* (2), нехарактерные для жителей Тюмени. Примечательно, что имя *Сталин* тюменцы не связывают с Великой Отечественной войной и победой в ней. В то время как среди волгоградских респондентов таких 23%, и это представители всех возрастных групп. Такое расхождение в восприятии антропонима можно объяснить историей Волгограда как города-героя и его ролью в победе в Великой Отечественной войне, а также современными событиями – патриотическими мероприятиями в городе, связанными со Сталинградской битвой, в том числе и проходящими время от времени акциями по возвращению городу имени Сталинград.

В. Ассоциативные реакции, относящиеся к внешнему облику личности, которой принадлежит исследуемое имя (антропонимы), или к атрибутам, связанным с определенным местом (топонимы). Реакции на антропонимы достаточно однородны, они выделяют характерную внешнюю черту известной личности и не зависят от региона и возраста респондентов, например *Брежнев – брови* (35 – В, 28 – Т), *Обама – чернокожий* (28 – В, 22 – Т).

При этом реакции на топонимы могут отличаться содержательно (по наполняемости) или отсутствовать у респондентов одного из городов. Вероятно, эти различия обусловлены географическим положением номинируемых объектов (близостью или удаленностью) и социокультурной значимостью тех или иных реалий для респондентов в разных городах. Например, *Кавказ* для волгоградцев – *кавказская кухня / хачапури и др.* (9), *виноград, мандарины, минеральная вода* (7), *гостеприимство* (4, 5), *грузины* (4, 5); *Кавказ* для тюменцев – *черкесска, бурка, кинжал* (6), *шашилык, вино* (11), *Лермонтов* (6). Очевидно восприятие

Кавказа как чего-то близкого, современного, знакомого в Волгограде и как культурно-исторической достопримечательности в Тюмени. Попутно заметим, что только в Тюмени отмечена родовидовая реакция *Кавказ – регион / южный регион* (11), нехарактерная для жителей волгоградского региона, который граничит с Северо-Кавказским федеральным округом.

Еще более заметна разница, связанная с географической близостью / удаленностью объекта при восприятии топонима *Урюпинск*. *Урюпинск* у жителей Волгограда, хорошо знающих реалии данного населенного пункта в Волгоградской области, ассоциируется с *памятником козе* (16), *пуховыми платками / изделиями / вещами* (7), *трикотажем* (2). В ответах респондентов из Тюмени ассоциативные реакции данного ряда не встречаются, что говорит об отсутствии энциклопедической информации об объекте. Об этом говорят и ошибочные реакции жителей Тюмени: *Урюпинск – болотистая местность* (5 – Т). Вероятно, подобные реакции связаны с региональными оценочными представлениями тюменцев о болотистой местности как о месте, отдаленном от цивилизации. А *Урюпинск* при этом имеет для них символическое значение ‘провинция, захолустье’, не привязанное к конкретному географическому объекту, скорее всего, неизвестному жителям Тюмени. Не случайно 17% тюменских респондентов пропустили данное имя. Это подтверждают и родовидовые реакции. Если для тюменцев *Урюпинск* – это *город* (22) без уточнений, где, какой, то для волгоградцев – это не просто *город* (24), в 7% с уточнениями, что это *российский город*, и в 7% – *город в Волгоградской области*.

Г. Индивидуально-личностные реакции. Это, как правило, единичные персонифицированные реакции респондентов разных возрастных групп, соотносящих определенный период своей жизни со временем правления какого-нибудь политика, например ассоциативные реакции респондентов старше 50: *Брежнев – школьные годы, счастливое детство* (2 – В, 1 – Т); респондентов, рожденных в 1990-х: *Ельцин – детство* (1 – В); либо соотносящих определенное место с близкими людьми и приятными воспоминаниями: *Урюпинск – Аня, тетя Галя* и под. (9 – В), *дом / родина* (4 – В). Эти немногочисленные реакции показывают существование, помимо инварианта (общего представления), индивидуального когнитивного пространства, которое для некоторых респондентов оказывается когнитивно более значимым.

Эмоционально-оценочные реакции. Реакции этого типа зачастую сочетаются с денотативными реакциями, но с дополнительным оценочным компонентом значения.

Среди ассоциатов по признаку оценочности выделяются позитивные и негативные реакции. При этом у одних имен отмечены цельные оценочные представления: *Чернобыль – трагедия / катастрофа*

(31 – В, 22 – Т); МММ – *мошенничество / развод / обман* (11 – В, 28 – Т); *Жириновский* – *клоун* (14 – В, 6 – Т); *Брэд Питт* – *красавчик* (28 – В, 22 – Т); *Кавказ* – *красота / красивая природа* (11 – В, 11 – Т). К цельным также относятся представления, близкие по оценочному знаку: *Маргарет Тэтчер* – *железная леди* (50 – В, 39 – Т); *умная волевая женщина / умный политик* (3 – В, 5 – Т); *мужественность, стержень, хватка, статность* (4 – В); *Санта-Барбара* – *длинный / бесконечный / без начала и конца сериал / мыльная опера / мыло* (34 – В, 45 – Т). У других имен отмечаются диффузные оценочные представления, часто с противоположными оценками одного имени: *Сталин* – *отец народов / вождь* (11,5 – В, 22 – Т), *жестокий, деспот, тиран, диктатор, убийца* (45 – В, 45 – Т); *Брежнев* – *добрый, добрый вождь / руководитель* (3 – В); *правитель при котором нам жилось хорошо* (5 – Т); *старый больной человек, беспомощность, больной правитель* (5 – В, 5 – Т); *Лёня Голубков* – *бездельник* (6 – В), *мошенник* (6 – Т).

Положительная и (или) отрицательная оценка могут не совпадать у респондентов разных городов и разных возрастных групп.

Во-первых, это несовпадения по линии «нейтральная оценка – позитивная оценка». Например, в реакциях на имя *принцесса Диана* в Волгограде доминируют нейтральные денотативные ассоциации – *Англия* (17), *королевская семья* (17), *жена принца Чарльза* (11), *принцесса Уэльская* (11), а в Тюмени – реакции с позитивной оценкой – *красота, красивая / шикарная женщина* (28 – Т). *Рэмбо* для волгоградцев – *просто герой фильма / киногерой* (33), а для тюменцев – *боец / борец, сила / борьба* (50). При этом положительных реакций на топонимы *Багамы* и *Канары* больше у респондентов из Волгограда. Кроме того, данные ассоциации более разнообразны: *Багамы* (20 – В): *богатый отпуск, красивая природа, райские места* и др.; *Багамы* (5 – Т): *теплое море*. *Канары* (78 – В): *отдых* (40), *пляжи* (11), *отдых богатых, отдых русских* (9), *отпуск* (9). *Канары* (27 – Т): *море* (11), *рай* (11), *отдых* (5). С отпуском Канары, как и Багамы, никто из жителей Тюмени (в отличие от волгоградцев) не ассоциирует.

Во-вторых, это несовпадения по линии «позитивная оценка – негативная оценка». Причем в Тюмени отрицательный оценочный знак преобладает у имен-глобализмов, а в Волгограде – у российских имен. Например, оценочные реакции на имя *Голливуд* у волгоградцев носят положительный характер, Голливуд символизирует *райскую жизнь* (6), при этом оценочные реакции тюменцев отрицательны, Голливуд они связывают с такими явлениями, как *разврат / рассадник вранья, садизма, сексуальных развращений* (11). У имени *Макдональдс* отрицательных ассоциаций больше в Тюмени (18), в равной степени во всех возрастных группах: *ожирение* (6), *яд смертельный* (6), *столовка* (6), у жителей Волгограда только 5% – *отрава*, и все эти реакции принадлежат

респондентам старше 50. Однако топоним *Рублевка* в Тюмени оценивается положительно: *богатство / богатые / место для богатых* (17), *деньги* (5), *роскошь* (5), *круто* (5); отрицательные оценки отсутствуют, а у волгоградских респондентов – 13% отрицательных оценок: *сборище богатых и бессовестных* (6), *хамы* (3), *китч* (2), *зазнайство* (2). В Волгограде наблюдается также большее разнообразие оценок у отечественных имен с доминирующей отрицательной оценочностью. Например, топоним *Чернобыль* только у респондентов из Волгограда вызвал ассоциации с *бесхозностью* и *безответственностью* (7).

Это фрагмент результатов эксперимента дополняет существующие представления об отношении, во-первых, к глобализации и ее последствиям, во-вторых, к объектам российской действительности, которые неоднозначно оцениваются в разных регионах, что представляет интерес не только для лингвистов, но и для социологов.

Только у топонима *Урюпинск* несовпадения в оценочных реакциях, как было отмечено выше, объясняются географическим положением объекта. Если *Урюпинск* для респондентов из Тюмени – *провинция* (6%), *захолустье* (17), *дыра* (11), *нет цивилизации* (5), то для респондентов из Волгограда это не просто *провинция* или *провинциальный город России* (11), а *столица провинции / столица российской глубинки* (15), которая ассоциируется со *спокойствием* и *чистотой* (5). Однако такие положительные реакции на топоним можно объяснить особым эмоционально-оценочным отношением волгоградцев к хорошо известному объекту и предположить, что доминирующая негативная эмоциональная оценка топонима *Урюпинск* характерна не только для Тюмени, но и для других регионов России.

Встречаются имена, оценка которых у респондентов разных городов носит явно противоположный характер. Например, для волгоградцев *Павлик Морозов – предатель / стукач* (50 – В), *нехороший мальчик* (11 – В) в равной степени для респондентов всех возрастных групп. В Тюмени предателем его называют только несколько респондентов возраста 18–19 лет. Для тюменцев *Павлик Морозов – герой, пионер-герой, героический подросток* (33 – Т). В Волгограде только 4% от общего количества респондентов оценивают его поступок как героический, и эти респонденты – представители возрастной группы старше 50. Молодые волгоградские респонденты (17%) пропустили данное имя, а в Тюмени не пропустил никто. Такое восприятие антропонима *Павлик Морозов* может быть связано с тем, что место, в котором вырос и погиб пионер-герой, находится сравнительно недалеко от Тюмени. Трагическая история Павлика Морозова в этом регионе известна многим. Об этом говорят и такие ассоциативные реакции, как *всё ложь про его поступок / ни за что пострадал* (6 – Т). В данном случае в когнитивной базе жителей Тюмени в большей степени отражены региональ-

ные оценочные представления, в то время как в Волгограде зафиксировано общероссийское негативно оценочное восприятие данного антропонима как символа предательства, достаточно устойчивое во времени. Оно практически полностью совпадает с результатами анкетирования, проведенного более 20 лет назад Д.Б. Гудковым, при исследовании восприятия прецедентного имени *Павлик Морозов* [19].

Таким образом, оценочные ассоциативные реакции на именованные стимулы *Урюпинск* и *Павлик Морозов* в разных городах показывают существование в когнитивной базе носителей русского языка не только национально-детерминированных, но и регионально-детерминированных представлений.

Заключение

Результаты свободного ассоциативного эксперимента, во-первых, подтвердили существование корпуса коннотативных имен собственных, которые закрепились в языковом сознании большинства носителей русского языка разного возраста и в разных регионах. При этом отмечается неоднородная представленность рассматриваемых имен в языковом сознании носителей русского языка. Выделяется группа коннотативных онимов с цельными и диффузными представлениями об объекте номинации. К первым относятся имена, за которыми стоит единый образ имени как в денотативном, так и в эмоционально-оценочном плане. Ко вторым – имена, обозначающие набор неоднородных признаков, на базе которых формируется многозначность коннотативного имени.

Во-вторых, выделяются коннотативные имена, входящие в ядро языкового сознания, которые одинаково оцениваются респондентами разного возраста и в разных регионах; и имена, находящиеся на периферии, при восприятии которых отмечаются возрастные и территориальные различия.

Возрастные различия в восприятии коннотативных имен собственных говорят о подвижности языкового сознания носителей русского языка и культуры, об утрате коннотаций в связи с выходом из употребления некоторых имен из словарного запаса молодых респондентов. Это подтверждает положение о том, что одно и то же имя в разные периоды своего существования неоднозначно оценивается языковым коллективом, а исследование коннотативных имен собственных актуально и перспективно только по отношению к определенному времени.

Территориальные различия в восприятии коннотативных имен собственных показывают значимость близости или удаленности географического объекта при восприятии коннотативного топонима, а также культурно-исторического значения той или иной личности для

данного региона при восприятии коннотативного антропонима. Это говорит о том, что при исследовании восприятия коннотативных имен собственных следует учитывать не только возрастной, но и территориальный критерий.

На базе рассмотренных ассоциативных реакций формируются разнообразные коннотации, определяющие ценностную шкалу носителей русского языка и специфику социального поведения.

В заключение отметим, что результаты, полученные в ходе данного исследования, представляют интерес для последующего лексикографического описания ассоциативного значения онимов в рамках словаря «Коннотативные имена собственные постсоветского периода», работа над которым ведется нашей проблемной группой.

Литература

1. *Kryukova I.* Semantic modification of global onyms in Russian linguoculture // Names and naming: proceedings of the second International Conference on Onomastics: onomastics in contemporary public space. Cluj-Napoca : Mega: Argonaut, 2013. P. 1016–1022.
2. *Хвесько Т.В.* Имя в сознании человека // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXIV. С. 296–604.
3. *Врублевская О.В.* Языковая мода в русской ономастике. Волгоград : Перемена, 2017.
4. *Nicolaisen W.F.H.* Are there Connotative Names? // Names. A Journal of Onomastics. 1978. Vol. 26. P. 41–47.
5. *Отин Е.С.* Избранные работы. Донецк : Донеччина, 1997.
6. *Отин Е.С.* Словарь коннотативных собственных имен. Донецк : Юго-Восток Лтд, 2004.
7. *Nyström S.* Names and Meaning. The Oxford Handbook of Names and Naming / ed. by C. Hough, D. Izdebska. Oxford : Oxford University Press, 2016. P. 39–51.
8. *Крюкова И.В., Врублевская О.В., Кирпичева О.В.* Имена собственные в макро- и микросоциуме. Волгоград : Перемена, 2016. 168 с.
9. *Тарасов Е.Ф.* Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 34–47.
10. *Уфимцева Н.В.* Языковое сознание: динамика и вариативность. М. : Ин-т языкознания РАН, 2011. 252 с.
11. *Уфимцева Н.В., Балясникова О.В.* Языковая картина мира и ассоциативная лексикография // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18, № 1. С. 6–22. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.1.1
12. *Сурун В.И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград : Перемена, 2000. 172 с.
13. *Трапезникова А.А.* Ономастическое сознание современного горожанина : дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2010. 213 с.
14. *Бубнова Н.А.* Оним Смоленщина в составе фоновых знаний московского студенчества (по данным ассоциативного эксперимента) // Язык и культура. 2016. № 2 (34). С. 15–37.
15. *Гураль С.К., Петрова Г.И., Смокотин В.М.* Выразить невыразимое: возможности синергетических усилий лингвистики и философии // Язык и культура. 2018. № 42. С. 6–18. DOI: 10.17223/19996195/42/15
16. *Психолингвистический* словарь русского языка. Вып. 1–3: Антропонимы / А.В. Рудакова, С.В. Коваленко, И.А. Стернин. Воронеж : РИТМ, 2018. 134 с.
17. *Ратникова И.Э.* Имя собственное: от культурной семантики к языковой. Минск : БГУ, 2003. 214 с.

18. **Воякина Е.Ю.** Ономастический бум в современном общественно-политическом дискурсе // Язык и культура. 2013. № 2 (22). С. 34–42.
19. **Гудков Д.Б.** Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента) // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М. : Филология, 1998. Вып. 4. С. 82–93.

Информация об авторах:

Хвесько Тамара Владимировна – профессор, доктор филологических наук, Институт государства и права, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия). E-mail: khvesko@inbox.ru

Крюкова Ирина Васильевна – профессор, доктор филологических наук, Институт иностранных языков, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия). E-mail: kryukova-irina@ya.ru

Врублевская Оксана Валентиновна – профессор, доктор филологических наук, Институт иностранных языков, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия). E-mail: Gesse-wolf2009@yandex.ru

Поступила в редакцию 27 марта 2020 г.

CONNOTATIVE PROPER NAMES OF THE POST-SOVIET PERIOD IN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF THE RUSSIAN LANGUAGE SPEAKERS (EXPERIMENTAL STUDY)

Khvesko T.V., D.Sc. (Philology), Professor, Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: khvesko@inbox.ru

Kryukova I.V., D.Sc. (Philology), Professor, the Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia). E-mail: kryukova-irina@ya.ru

Vrublevskaya O.V., D.Sc. (Philology), Professor, the Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia). E-mail: Gesse-wolf2009@yandex.ru

DOI: 10.17223/19996195/50/9

Abstract. The article presents the results of an associative experiment, the purpose of which is to identify the variability of the linguistic consciousness of native speakers of the Russian language in the perception of the proper names, which have changed or acquired special connotative meanings due to the political and sociocultural transformations over the last 30 years. In order to identify the dynamics of linguistic consciousness of the respondents we take into account the age criterion (three relatively proportional groups of respondents interviewed: at the age of 18 to 29 years old; at the age of 30 to 50 years old and older than 50 years old). To identify the prevalence of the precedent names in Russia we apply the territorial criterion (the experiment conducted simultaneously in two cities located at a considerable distance from each other: 100 respondents in Volgograd and 100 respondents in Tyumen participated in the survey). The results of a free associative experiment allow us to come to the following conclusions: 1) the heterogeneous representation of connotative names in the linguistic consciousness of native speakers of the Russian language identify: a) a group of names with integral representations of a single image, both in a denotative and emotionally evaluative way; b) a group of names with diffuse representations denoting a set of heterogeneous features, on the basis of which the ambiguity of the connotative name formed; 2) the names that make up the core of collective linguistic consciousness, which are equally understood and evaluated by respondents of different ages in different regions; and the names located on the periphery, the perception of which is marked by time and space differences. Age differences show the mobility of the linguistic consciousness of native speakers of the Russian language, the loss of connotations in connection with the withdrawal of the use of certain names, and territorial differences demonstrate the importance of the proximity or remoteness of a geographical object or the cultural and historical significance of a person for a given region. The results

obtained are relevant and promising in terms of lexicographic description of connotative proper names of the post-Soviet period.

Keywords: connotative name; linguistic consciousness; free associative experiment; denotative reactions; emotional-estimate reactions.

References

1. Kryukova I. (2013) Semantic modification of global onyms in Russian linguoculture // Names and naming: proceedings of the second International Conference on Onomastics: onomastics in contemporary public space. Cluj-Napoca: Mega: Argonaut. Pp. 1016–1022.
2. Hves'ko T.V. (2015) Imya v soznanii cheloveka // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vypusk XXIV. pp. 296–604.
3. Vrublevskaya O.V. (2017) Yazykovaya moda v russkoj onomastike. Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena».
4. Nicolaisen W.F.H. (1978) Are there Connotative Names? // Names. A Journal of Onomastics. Vol. 26. pp. 41–47.
5. Otin E.S. (1997) Izbrannye raboty. Doneck: Donechchina.
6. Otin E.S. (2004) Slovar' konnotativnyh sobstvennyh imen. Doneck: OOO «Yugo-Vostok, Ltd».
7. Nyström S. (2016) Names and Meaning. The Oxford Handbook of Names and Naming / ed. by C. Hough, D. Izdebska. Oxford: Oxford Univ. Press. pp. 39–51.
8. Kryukova I.V., Vrublevskaya O.V., Kirpicheva O.V. (2016) Imena sobstvennye v makro- i mikrosociume. Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena». 168 p.
9. Tarasov E.F. (2004) Yazykovoe soznanie // Voprosy psiholingvistiki. № 2. M.: Institut yazykoznanija RAN. pp. 34–47.
10. Ufimceva N.V. (2011) Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost'. M.: Institut yazykoznanija RAN. 252 p.
11. Ufimceva N.V., Balyasnikova O.V. (2019) Yazykovaya kartina mira i associativnaya leksikografiya // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie. T.18, № 1. pp. 6–22. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.1>
12. Suprun V.I. (2000) Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego hudozhestvenno-esteticheskij potencial. Volgograd: Peremena. 172 p.
13. Trapeznikova A.A. (2010) Onomasticheskoe soznanie sovremennogo gorozhanina: diss. ... kand. filol. nauk. Krasnoyarsk. 213 p.
14. Bubnova N.A. (2016) Onim Smolenshchina v sostave fonovyh znaniy moskovskogo studentchestva (po dannym associativnogo eksperimenta) // Yazyk i kul'tura. № 2 (34). pp. 15–37.
15. Gural' S.K., Petrova G.I., Smokotin V.M. (2018) Vyrazit' nevyrazimoe: vozmozhnosti sinergeticheskikh usilij lingvistiki i filosofii // Yazyk i kul'tura. № 42. pp. 6–18.
16. Psiholingvisticheskij slovar' russkogo yazyka: Issue 1-3. Antroponimy (2018) / A.V. Rudakova, S.V. Kovalenko, I.A. Sternin. Voronezh: Izdatel'stvo RITM. 134 p.
17. Ratnikova I.E. (2003) Imya sobstvennoe: ot kul'turnoj semantiki k yazykovoj. Minsk: BGU. 214 p.
18. Voyakina E.Yu. (2013) Onomasticheskij bum v sovremennom obshchestvenno-politicheskom diskurse // Yazyk i kul'tura. № 2 (22). pp. 34–42.
19. Gudkov D.B. (1998) Precedentnoe imya v kognitivnoj baze sovremennogo russkogo (rezul'taty eksperimenta) // Yazyk, soznanie, kommunikaciya: Sb. statej / Red. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov. M.: Filologiya. Issue 4. pp. 82–93.

Received 27 March 2020